

Кропотова Н.В. кандидат химических наук, доцент, проректор по научной работе
Крымского инженерно-педагогического университета

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БУДУЩЕГО В РАБОТАХ А.С.ПАНАРИНА

В творческом наследии А. С. Панарина мощный пласт идей образует теория глобального политического прогнозирования [1, 2], которая при герменевтическом подходе прочитывается в качестве особой формы интерпретации исторического процесса. Если В. Дильтей и его последователи герменевтический метод, основанный на интерпретативной активности понимающего субъекта, использовали для постижения уникального мира людей прошлых эпох, если Х.-Г. Гадамер, Э. Кассирер, П. Рикер, М. Хайдеггер придали пониманию экзистенциальный характер, увидев в нем универсальную способность человека, то пафос работ А. С. Панарина направлен на расшифровку неведомого глобального будущего.

Понимание как важнейшая сторона жизни людей и интерпретация как его универсальный инструмент замечаются и становятся предметом для размышления и исследования в те периоды жизни, когда автоматизм интерпретации реальности перестает действовать, когда несогласие в большей степени бросается в глаза, чем согласие, когда возникают существенные затруднения в трансляции и регламентации накопленного культурно-исторического опыта. Такого рода ситуации принято характеризовать как "ситуации (не)понимания".

Сам А. С. Панарин подчеркивает, что *"прогностика как воплощение иного будущего получает настоящий социальный заказ и источники творческого вдохновения в обществах, переживающих острый системный кризис, грозящий трагедиями распада и низвержения на дно отчаяния"* [2, с. 258].

Кризисы современности всё чаще и чаще создают ситуации тотального непонимания, в результате чего складывается впечатление, что мир катастрофически быстро теряет ресурс рационально-рефлексивной конструктивности, проваливается в бездну нового иррационализма. Особые черты "переходного этапа", переживаемого постсоветскими обществами, на наш взгляд, определяются двумя факторами:

- 1) происходит интенсивная смена доминирующей в обществе системы ценностей, диверсификация ценностных систем ("культурно гомогенное" общество быстро превращается в "мультикультурное");
- 2) заявленные цели, артикулированные социальные задачи в ходе реформ реализуются "с точностью до наоборот".

В этих условиях важнейшим фактором безопасности – как личной, так и общественной – становится способность понимания, смыслопостижения, умение распознавать и нейтрализовать технологии скрытого управления, применяемые социальным конкурентом. С этой точки зрения познавательный опыт и интерпретационный инструментарий такого крупного социального философа, как А.С. Панарин, представляют несомненный научный интерес, заслуживают самого пристального, скрупулезного изучения.

Цель данной статьи – первая попытка выявления методологических особенностей прогностического метода А.С. Панарина, его специфического политологического "почерка".

Исходную посылку своих прогностических рассуждений, своеобразный "диагноз времени", отражающий оригинальное видение им глобальной перспективы, А.С. Панарин сформулировал достаточно чётко: *"Мы наблюдаем космогонический процесс рождения какой-то новой мировой системы, энергетика которой связана с политическим противоборством, с жаждой мировой власти и сопротивлением ей, с новыми переделами мира"* [2, с. 241]. Эту мысль учёный подчеркивает неоднократно, утверждая, что речь идет не об ограниченной теме или иными рамками власти, а о власти тотальной, поистине безраздельной. *"Создается впечатление, что новейшей политической историей движут не столько рациональные детерминанты, сколько коллективные страсти, сообщающие ей формы драмы, то и дело срывающейся в трагедию"* [2, с. 21] – рождаются *"столь высокие плазменные энергии, что их достанет на рождение весьма неожиданных структур и порядков бытия"* [2, с. 246].

Более того, по мнению А. Панарина, никогда ещё не ощущалось такое разительное противоречие между ожиданиями, внушенными теорией прогресса, и реальной историей, как ныне [3, с. 36]. Это означает, что постмодернизм формирует иную картину мира, обещает иное будущее, обладает иной логикой, нежели то, что вытекало из хорошо знакомой логики классического модернизма. Отсюда следует необходимость правильно выбрать точку зрения, "систему координат", контекст интерпретации – сформировать адекватную ("правильную") "картину мира" – па-

радикальную модель. *"Как только мы поймем это, нам откроются все странности и парадоксы постсоветского реформаторства и его импортированные с Запада идеологии"* [2 с. 301], *"если найдем логику нового либерализма... то всё сразу станет на свои места"* [2, с. 302], – утверждает А.С. Панарин.

В качестве главного центра локализации исследовательского внимания А. С. Панарин строит оригинальную социально–философскую гипотезу культурологического трансцендентализма (культурного априоризма), согласно которой на современном этапе развития научного знания ведущим организатором прогностических усилий станет выступать не строгая наука, а культура, так как именно культура является некоей априорной рамкой (по И. Канту), источником трансцендентальных форм, организующих наше знание о будущих фактах, генерирует ценностные значения любых общественных фактов и событий.

Здесь необходимо отметить, что латинское слово *culture*, в переводе означающее "возделывание", "воспитание", образование", развитие", "почитание", введенное европейской социальной мыслью в широкий оборот в качестве научного термина во второй половине XVIII века, неоднократно меняло свою трактовку: от интерпретации культуры как всего того, что произведено человеком, включая сферу человеческой духовности, к пониманию культуры как совокупности наследственной поведенческой информации, структурно организованной в некий "социальный код" ("социокод") наследственности, в котором она накапливается, хранится и передается новым поколениям [4]. Академик В.С. Стёпин в энциклопедической статье определяет культуру как *"систему исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях"* [5, с. 61].

Солитаризируясь с таким подходом к пониманию культуры, А.С. Панарин подчеркивает, что любые факты и детерминации внешнего мира действуют на человека не непосредственно, а только через культурную среду, наделяющую объективные факты субъективными значениями. Поэтому *"прогнозисту мало подсчитать вероятность тех или иных событий – важно ещё учитывать культурно заданную реакцию людей на них, определить иерархию их значений, их побудительный потенциал, который создается не событиями и фактами самими по себе, а направленными герменевтическими усилиями культуры"* [2, с. 253]. Факт как таковой может быть как угодно "велик", но если в контекстах культуры он выступает как малозначительный, то его побуждающее социальное значение будет столь же малозначительным. Если же события попадают в зону значений, которые культура считает чрезвычайно важными, то реакция людей на эти события будет очень острой. Таким образом, прогностический эффект "культурного априоризма" заключается в том, что интерпретации подлежит не стихия событий, а их социально–исторический смысловой потенциал, моделируется культурно обусловленная реакция общества на эти события, способность людей, вооруженных культурной традицией, *"выстраивать антиэнтропийную стратегию"* [2, с. 253].

Интересно проследить социально-философские идеи, из которых вырастает гипотеза культурного априоризма А.С. Панарина и которые отражают глубинные особенности его мироощущения, мировидения, миропонимания.

Базисная идея А.С. Панарина, определяющая всю внутреннюю структуру его теоретико-политологических построений, онтологична: *"материя следует за духом и подчинена ему"* [2, с. 237]. Мир идей, человеческая ментальность определяет характер деятельности людей. В идеях человек мыслит то, что должно быть, то, что следует воплотить в жизнь. Идеи "судят реальность" и толкают людей к ее переустройству в соответствии с их представлениями о должном. Только идеи способны привести в движение человека с его знаниями и направить их к определенной цели. Власть идей над людьми является властью духовной. По мнению А. Панарина, *"в сфере культуры прогнозист имеет дело с так называемыми контрдетерминациями современного мира, то есть действиями духа против бездуховной материи систем и учреждений"* [2, с. 237].

Вторым ключевым звеном в политологических воззрениях А.С. Панарина является его понимание политики как производства власти, как главной причины мировых событий, главного механизма "тектонических сдвигов истории", из чего следует, что *"будущее как иное выступает в качестве продукта политики"* [2, с. 239]. Видимая активность действий политиков придает будущему черты чего-то намеренно производимого, "технологизирует" его (хотя реальные пружины производства власти зачастую скрыты от глаз непосвященных). А.С. Панарин, с присущим ему блестящим чувством языка, определяет будущее как *"повод для тех, кто желает потеснить предшественников и перехватить у них рычаги правления"* [2, с. 265], отвоевать про-

странство у тех, кто *"не умеет конвертировать его во временной потенциал, в технологию обретения будущего"* [2, с. 290]. С его точки зрения, в XX веке неизменно побеждали те, кто занимался *"производством общества"* [2, с. 238], а проигрывали те, кто верил в его естественный ход и потому воздерживались от активности в решающий момент и в решающем месте. Вместе с тем, по мнению А.С. Панарина, политика – это, хотя и наиболее действенный, но одновременно и наименее предсказуемый инструмент общественных изменений. *"Политика на деле является не плановым, а стихийным производством истории, конечный результат которого неизменно расходится с первоначальными замыслами"* [2, с. 239].

Делая вывод о *"негарантированности политического действия"*, А.С. Панарин методологически связывает его с парадигмальными основами постклассической науки, которая уходит от жесткого лапласовского детерминизма в концептуальное поле нелинейности и стохастичности. Это принципиально новое, синергетическое, видение социальной динамики, при котором *"само будущее, вместо того чтобы подчиняться закономерностям линейного экстраполирования, как правило, являет нам образ "иного" – качественной прерывности, перечеркивающей наши привычные стереотипы и ожидания"* [2, с. 16]. Вместо образа единого одновариантного будущего, предопределенного раз и навсегда, синергетика обещает целый пучок равновероятных общественных трендов, *"веер картин будущего, каждая из которых имеет свои шансы на осуществление"* [2, с. 16].

Двигатель общественных перемен реальной политической истории А.С. Панарин видит в скачкообразных смещениях, сдвигах систем ценностных установок и соответствующих им резких *"поворотах в культуре"*, принимающих форму периодических срывов, столкновения, чередования крайностей: в ответ на одну крайность социального опыта возникает другая, противоположная – *"и вместе они образуют фазы определенного исторического цикла, основанием которого является маятниковый эффект культуры"* [2, с. 17].

Идея цикличности культуры роднит А.С. Панарина с Питиримом Сорокиным [6], положившим в основу своей теории социокультурной динамики представление о трех типах культуры (трех системах истины) – идеациональном, идеалистическом и чувственном – и объяснявшим исторические колебания человеческого духа от одной системы к другой поисками полноты истины. В свою очередь А.С. Панарин трактует культуру в терминах самоорганизации (*"культура олицетворяет самоорганизацию"* [2, с. 256]) и, как уже было отмечено выше, связывает её циклическую динамику с крайностями социальной практики.

Отталкиваясь от данной философы, А. Панарин конструирует оригинальный прогностический метод, который называет *методом метаморфоз, или социокультурной инверсией* [2, с. 15]. Его главная идея заключается в том, что движение в политической истории можно заранее предсказать в виде реакции будущего на крайности настоящего.

"Технология" метода социокультурной инверсии, развиваемого А.С. Панариным, может быть выражена в следующих *"методических правилах"*.

- 1) Прогнозировать ход политической драмы можно только, опираясь не на статичную морфологию культуры, а на культурную динамику – на основе диалектики вызова и ответа.
- 2) Политическая история моделируется по законам драмы, где настоящее рассматривается как вызов, а будущее – как ответ на него.
- 3) При прогнозировании будущего как фазы ответа необходимо как можно более точно и адекватно определить специфическую односторонность настоящего, которая и определяет собой вызов.
- 4) Будущее проявляет себя как реакция на навязываемую настоящим одномерность и односторонность социальной практики (*"эффект бумеранга"*).
- 5) Решающее значение для формирования ответа имеет интерпретация вызова стороной, которой он получен, так как побудительный потенциал создается не событиями и фактами самими по себе, а направленными герменевтическими усилиями культуры [2, с. 252]. Вызов истории необходимо интерпретировать как сферу культурно-смысловых значений, в которой кроется мотивация ответа – вместо вопроса, какое будущее нас ожидает, ставится вопрос, какое будущее мы спровоцировали, а это в свою очередь означает, что априорно предвосхищаемое будущее задается рамками нашей культуры и прогностическая способность в конечном счете измеряется *"глубиной культурной памяти"* [2, с. 230] (*"культурологический трансцендентализм"*).
- 6) Чем сильнее априоризм культуры, тем выше способность культуры организовывать мозаику грядущих событий в цельный и предсказуемый образ.

7) Если априорная рамка культуры, на которую опирается исторический субъект, достаточно выстроена, события, упорядочиваясь, формируют те или иные смысловые, структурные, иерархические ряды, будущее из хаоса превращается в некоторую прогностическую реальность.

В русле собственного стратегического политического прогноза А.С. Панарин главную крайность и односторонность постсовременной эпохи (постмодернити) определил как стремление элит демонтировать системы социального контроля и национального консенсуса, перераспределяя мировые геополитические пространства в свою пользу. В результате "модернизационный проект" из универсального превратился в эзотерический, предназначенный для избранных "в обход мирового большинства" [2, с. 387].

Однако, несмотря на то, что либеральная идеология объявила стратегию глобализма безальтернативной, "в соответствии с логикой ответа, в фазу которого мир вот-вот вступит" [2, с. 441] неминуема социокультурная инверсия: технически и экономически "неимущие" откроют свою новую роль в качестве духовно имущих. Но для реализации такого исторического ответа требуется прорыв новых типов социальной логики, нужны проекты будущего, альтернативные проекту либеральной глобализации.

В заключение отметим, говоря словами К. Ясперса, что "прогноз никогда не бывает нейтральным. Правильен он или неправилен, прогнозирующий анализ неизбежно вызывает побуждение к действию. То, что человек считает возможным, определяет его внутреннее отношение к происходящему и его поведение" [7, с. 162].

Можно не соглашаться [8] с прогностическими моделями разработанных А.С. Панариным сценариев будущего, однако нельзя не признать за созданной им теорией стратегического политического прогнозирования внутренней логической стройности, непротиворечивости и научной строгости.

Источники и литература

1. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях нестабильности. – М.: Алгоритм, 1999. – 320 с.
2. Панарин А.С. Политология. – М.: Гардарики, 2004. – 480 с.
3. Панарин А.С. Жизненный мир и агрессия рациональности // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2000. – №8. – С. 34 – 39.
4. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ. – М.: Мысль, 1983. – 282 с.
5. Стёпин В.С. Культура // *Вопросы философии*, 1999. – №8. – С.61-71.
6. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543с.
7. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
8. Савельев А.Н. Стратегическая политология Александра Панарина // *Москва*. – 2005. – №9. – С. 175 – 192.

Анфалова С.Л. кандидат философских наук, доцент

Лукаш В.Я. кандидат исторических наук

ЕВРАЗИЙСТВО В АСПЕКТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Роль России в условиях современной глобализации становится все более значительной, не только благодаря ее колоссальным природным ресурсам, но и как одного из центральных игроков геополитической расстановки мировых сил. Обращаясь к творчеству основоположников геополитики как науки, мы видим, что на эту особенность России неоднократно указывали как ученые Запада, так и особенно России. В трудах Х. Макиндера, К.Хаусхофера, К.Шмитта, не говоря уже о Н.С.Трубецком, П.Н.Савицком, Л.Н.Гумилеве дается глубокая и всесторонняя характеристика в целом Евразии и ее сердцевины России. С точки зрения геополитики Евразия рассматривается как большое континентальное пространство, «бегемот», по выражению К.Шмитта.

Понятие «Евразия» употребляется в двух смыслах, в одном случае оно отождествляется чуть ли не со всем Старым Светом, в другом, – гораздо чаще, рассматривается как территория, ограниченная с севера массивами тайги, с юга – цепью гор Кавказа, Копетдага, Памира и Тяньшаня, с Востока – Великой Китайской стеной и с Запада, так называемой изотермой января (к востоку от которой средняя температура января отрицательная). Евразия подразделяется на три региона: Забайкалье, Тува, Монголия – «Высокая Азия». Казахстан, Алтай и до Копетдага – южный рай-